

вия губернатора, полпредство было вынуждено взять на себя выполнение его функций». Нападки на губернатора были средством давления, которое при определенных обстоятельствах могло привести его к досрочному сложению полномочий, и попыткой в глазах общественного мнения оправдать собственные действия. Одновременно с этим Кириенко попытался вернуть Нижнему Новгороду утраченный имидж города федерального значения, «третьей» столицы России. С этой целью активно продвигались проект «столичности», празднование религиозных юбилеев, связанных с именем Серафима Саровского и т.д.

С конца лета 2005 года начинается новый этап в PR-стратегии региональной элиты. Этот этап связан, в значительной степени, с федеральной политикой, с изменениями в избирательной системе, отказом от всенародного избрания губернаторов, и переходом на партийную систему выборов законодательных органов власти. В конце лета область возглавил новый губернатор Валерий Шанцев. С одной стороны, команде Кириенко удалось не допустить назначения прежнего главы региона Геннадия Ходырева, но с другой она оказалась в проигрыше, поскольку стала терять позиции в местной политике и экономике после назначения Сергея Кириенко на новый пост в Правительстве РФ.

Начало деятельности Шанцева на посту губернатора можно было назвать «стратегией лояльности» и завоевания доверия региональной элиты и населения. Новый губернатор заявил, что в своей политике он будет опираться на нижегородские кадры. Однако по прошествии полутора лет тон и действия областной администрации резко изменились. Достаточно интересный и знаковый комментарий политики губернатора был дан его заместителем по государственно-правовому и организационному обеспечению Сергеем Потаповым, который представляет команду «москвичей» в областной администрации. «Правая рука» Шанцева, как называют его журналисты, в интервью нижегородскому журналу «NewsmakeR», заявил: «... в настоящее время в Нижегородской области элит нет. Есть отдельные группы, которые ориентируются либо на прошедшее время, либо на давно ушедших людей и так далее. Мы сейчас занялись формированием этой самой элиты, и думаю, что первый шаг был сделан при формировании Общественной палаты Нижегородской области» [2].

Таким образом, каждая смена элит и новый этап в региональной политике находит отражение в PR-стратегиях власти и политической элиты. И если в настоящее время новая правящая элита уже сформировала свою политику и PR-стратегию, то прежняя нижегородская элита сейчас находится в неопределенности, часть пытается найти свое место рядом с губернатором, а другим придется искать и формулировать новые PR-стратегии.

Библиографический список

1. Гельман, В.Я. «Сообщество элит» и пределы демократизации// Университетская политология России. Сборник статей. - М.: Полис. С. 25-38.
2. Гунин, Я. «Сергей Потапов: Мы формируем новую элиту»// NewsmakeR, №4, февраль 2007. С. 24-30, 25.

Т.И. Бикметова

ПРОБЛЕМА АРГУМЕНТА AD HOMINEM В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аргументы ad hominem известны уже давно, но проблема их применения активно обсуждается в настоящее время не только в теории, но и в практике коммуникативистики.

Аргумент ad hominem можно найти еще в античных руководствах по риторике, где он расценивался как особый тип аргументов, применяемый для убеждения аудитории. В «Риторике Александру» Анаксимен рассматривает две ситуации, связанные со свидетельством: во-первых, если свидетельство правдоподобно и свидетель правдив, то нет необходимости его дальнейшего обсуждения, и, во-вторых, если свидетельство неправдоподобно, или свидетель не заслуживает доверия, то свидетельство подвергается сомнению. Во втором случае возможно использование аргументов, подвергающих сомнению это свидетельство, аргументов ad hominem.

В «Софистических опровержениях» Аристотель описывает два вида софистических приемов. Первый из них состоит в опровержении аргумента «с использованием факторов, имеющих отношение не столько к логике, сколько к личности задающего вопрос» [1]. Вместо анализа аргументов противника предпринимается попытка с помощью хитроумных и неадекватных ответов помешать задающему вопрос достичь своей цели. Такие ответы можно трактовать как аргументы к личности.

Средневековые западноевропейские авторы противопоставляли то, что они называли настоящим предметом спора, так называемому личному (persona) [2].

Для понимания сущности аргументов ad hominem важным является позиция Дж. Локка. Он выделял четыре типа аргументов. Один из типов – это аргумент, который состоит в том, чтобы «прижать человека выводами из его собственных принципов или допущений» [3]. Локк противопоставляет аргументу ad hominem другой тип, названный им аргументом ad iudicium. Он заключается в «использовании доводов, взятых из каких-нибудь оснований знания или вероятности» [4]. Локк не считает аргумент ad hominem как ошибочный, но считает возможным оценивать его как приемлемый или осуждаемый, ошибочно использованный.

В конце XX века аргументы ad hominem стали очень распространены в предвыборных кампаниях в России и на Западе.

Дуглас Уолтон отмечает: «С легкой руки «критически настроенных журналистов» в центре внимания американской политики 1990-х годов оказалась так называемая проблема «характера». Создается впечатление, что характер государственного деятеля стал рассматриваться как нечто более важное, чем его политическая позиция, возможно потому, что последняя более подвержена из-

менениям» [5]. Подобная критика личности оказалась очень эффективной, и даже осуждающие ее иногда прибегают к такого рода аргументам в своей политической деятельности. В российской политике широко используется в так называемых «черном PR», в частности в «битвах компроматов». Также аргументы к личности довольно широко применяются в аргументации постмодерного дискурса.

В современной теории аргументации существует множество различных определений и классификаций, которое демонстрирует отсутствие единого методологического основания к анализу аргумента *ad hominem*. Однако можно выделить некоторые основные походы в понимании сущности и границ применения такого рода доводов.

Первый подход трактует аргумент *ad hominem* как всегда ошибочный, определяемый как некорректный (нерелевантный) либо ошибочный по своей природе [6].

Как нам представляется, точка зрения на достоинства и недостатки аргументации в целом и аргумента *ad hominem* в частности, как входящие главным образом или полностью в сферу только логики, неверна. Хотя основания для такого представления вполне объяснимы, поскольку исторически учение об ошибках в аргументации разрабатывалось по преимуществу в рамках логики. И по настоящее время в учебниках логики аргументы *ad hominem*, как правило, игнорируются или рассматриваются как логическая ошибка. Например, Ю.В. Ивлев считает, что «разновидностью ошибки «подмена тезиса» является также ошибка, называемая подменой аргументируемого или критикуемого тезиса ссылками на личные качества человека. Эту ошибку совершают в тех случаях, когда, вместо того чтобы обосновывать или критиковать тезис, характеризуют человека, выдвинувшего этот тезис, или человека, о котором идет речь в тезисе» [7]. Безусловно, как всякий феномен коммуникации процедура аргументации связана с соответствующими логическими формами. Но вместе с тем в рамках аргументационной конструкции форма обоснования приобретает иные содержательные характеристики, не свойственные ей в пределах чисто логического анализа. Рассматривая таким образом аргументацию, приходится отвлекаться от множества условий и обстоятельств, в которых эта деятельность происходит, что приводит к чрезмерному и недостаточно мотивированному ограничению исследовательского поля.

Особую позицию занимает Г. Джонстоун, который полагает, что если понимать аргументацию в соответствии с воззрениями Локком, то вся философская аргументация по своей природе является аргументацией *ad hominem*, поскольку этот тип аргументации довольно часто основывается на выдержках из трудов или высказываний философа, с которым дискутируют. Поэтому философия - это вид аргумента *ad hominem*. Однако аргумент такого рода, как правило, определяется как логическая ошибка, и поэтому следует, что философская аргументация по своей природе ошибочна. Но такая позиция может при-

вести к другому парадоксальному выводу: любая аргументация обращена к различного рода реципиентам, и тогда всю аргументационную деятельность можно трактовать как логически некорректную.

Из рассуждений Джонстоуна следует сделать другой важный вывод - о необходимости теоретического анализа аргументов *ad hominem*.

Второй подход декларирует, что такие доводы в некоторых случаях являются обоснованными [8].

Понятие « аргумент *ad hominem*» в определениях различных авторов основывается на идее личной атаки. Этот тип аргумента обращается к личности оппонента, в классическом случае - сосредотачивается на его характере, или на чем-то, связанном с его личностными обстоятельствами, при этом он содержит негативную оценку личности. Аргумент *ad hominem* - это субъективный вид доводов, чаще всего достаточно эмоционально окрашенный, поэтому в каждом конкретном случае довольно сложно найти объективные критерии их обоснованности.

Он является мощным средством воздействия на аудиторию, поскольку используемые обвинения достаточно трудно опровергать, хотя доказательств может быть недостаточно или вовсе не существовать. Например, критика характера оппонента может представить его как нечестного, не заслуживающего доверия человека. А потеря доверия у аудитории может лишить его возможности адекватно аргументировать свою позицию. Применение аргумента *ad hominem* приводит к тому, что бремя доказывания ложится на оппонента, отсутствие адекватного ответа воспринимается как признание истинности обвинений. Кажется естественным, что единственный способ защиты против такой личной атаки - заявление о нанесенном оскорблении и критика того, кто использовал такого рода довод. Но это значило бы ответить на одну атаку *ad hominem* такой же. Конечно, в каких-то случаях это может быть эффективной мерой, но, как показывает практика, чаще всего такая дискуссия заканчивается скандалом.

В традиционной логике осуждаются ошибки и уловки, связанные с личностью, характером оратора, поскольку его личные мотивы абсолютно нерелевантны при определении логической корректности его аргумента. Однако существуют сферы человеческой деятельности, в которых, на наш взгляд, возможно использование аргументов *ad hominem*. Возможно, что личность, особенности характера не имеют значения в аргументации, проводимой в области точных наук, например, математики. Но если аргументация находится в сфере политики, права, этики, искусства, то нельзя всегда утверждать о нерелевантности мотивов оратора. Как указывает Д. Уолтон: «Если биограф исследует искренность воззрений Руссо на брак, выраженных в его философских работах, факты, касающиеся личных мотивов или поведения Руссо (например, его внебрачных связей), имеют непосредственное отношение к делу и могут иметь большое значение для совершения выводов» [9].

Уолтон обосновывает значимость характера в политическом дискурсе, опираясь на Аристотеля. Он выводит последовательность из пяти аргументов:

1. Речевым событием при рассуждении является практический вывод.
2. Существуют многочисленные обстоятельства, создающие неопределенность.
3. Может быть полезен совет опытных и мудрых.
4. Они должны обладать такими качествами, как честность, искренность и способность к правильному суждению
5. Следовательно, характер говорящего важен» [10].

Отсюда можно заключить, что в политическом дискурсе предмет рассуждения представляет собой изменчивые практические ситуации. Эти рассуждения не могут основываться на точном знании, поэтому используется практическое основание. А лучший совет может дать человек, обладающий практической мудростью и хорошим характером. Следовательно, характер является весьма существенным аспектом политического дискурса.

В некоторых случаях одним из важных факторов для принятия или неприятия аргумента является доверие к аргументатору, в частности, оно очень важно в политической аргументации. Деятельность политика вызывает общественный интерес, поэтому его убеждения, воззрения, идеи, способность их реализовать являются законным предметом публичного обсуждения. Избиратель стремится выбрать кандидата, который близок ему по взглядам, поэтому ему важно составить представление о личности и характере политика. Его нравственные качества могут быть основанием согласиться или не согласиться с его политикой.

Таким образом, использование аргументов *ad hominem* в политическом дискурсе можно считать вполне обоснованным.

Библиографический список

1. Аристотель. Собр. соч в 4-х тт. Т.2. - М., 1978. С. 576.
2. См.: Nuchelmans G. On the Fourfold Root of the Argument Ad Hominem// *Empirical Logic and Public Debate*. Amsterdam, 1993.
3. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга четвертая// Локк Дж. Соч. в 3-х тт. - М., 1985. С. 166.
4. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга четвертая// Локк Дж. Соч. в 3-х тт. М., 1985. С. 167.
5. Уолтон, Дуглас. Аргументы *ad hominem*. - М., 2002. С. 6.
6. См.: Soccio D., Barry V. *Practical Logic*. San Diego, 1992.
7. Ивлев, Ю.В. Логика. М., 1992. С. 207.
8. См.: Hurley P. A *Concise Introduction to Logic*/ Calif.; Wadsworth Publishing, 1994.
9. Уолтон Д. Аргументы *ad hominem*. - М., 2002. С. 142.
10. Walton, D.N. *The Place of Emotion in Argument*. University Park: Pennsylvania State of University Press, 1992. P. 201.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современное информационное общество модифицирует некоторые характеристики политической коммуникации, усиливая информационную составляющую и ее роль в осуществлении содержательного обмена [1]. Трансформации определяются целым рядом факторов, основными из которых являются:

- технологический: усложнение и совершенствование информационных технологий;
- социальный: широкий доступ к информации увеличивает социальную базу политической коммуникации;
- экономический: политическая информация составляет важный фактор экономики в качестве ресурса, определяющего многие тенденции экономических процессов;
- собственно политический: свобода информации ведет к росту участия в общественной жизни различных социальных слоев населения;
- культурный: признание культурной ценности политической информации, содействие утверждению информационных ценностей в интересах развития политической культуры отдельного индивида и общества в целом.

Формирование информационного общества, связанное с сокращением себестоимости производства и передачи единицы информации и неуклонным ростом информационного продукта, приводит к тому, что способность производить информацию намного превышает человеческие способности по ее переработке. Чтобы избежать негативных последствий технологического прогресса в политической коммуникации, необходимо опереться на гуманистические традиции, на культуру.

Однако ценностные качества политической коммуникации ранжируются и политически переосмысливаются правящими элитами и бюрократией в собственных интересах, в то же время они во многом определяются состоянием и уровнем развития общей и политической культуры общества в целом.

Существенную роль в политической коммуникации играет символизация как необходимое условие успешного осуществления взаимодействия сторон. Совпадение способов символизации с установками восприятия у реципиентов обеспечивает предсказуемую реакцию воспринимающей стороны на поступающую информацию. Нарушение устоявшихся корреляций может привести к провалу политической коммуникации, когда гражданам с индивидуально-личностной установкой восприятия предлагается информационный продукт, апеллирующий к групповым или партийным интересам.

Публичность является еще одной важной чертой политической коммуникации, причем, будучи способом взаимодействия больших аудиторий с особы-